

№ 7

ФЕВРАЛЬ

1908.



# ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

## СОДЕРЖАНІЕ:

КУРОПАТКА.  
АНГЕЛЪ-ХРАНИТЕЛЬ.  
БАРРИ (повѣсть).  
СЪ МѢСТА НА МѢСТО (сказка).  
ДВА СОЛОВЬЯ.  
ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.  
ШАРАДА, РЕБУСЪ и проч.

## ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ домино.  
Выкройка рубашки для мальчиковъ.





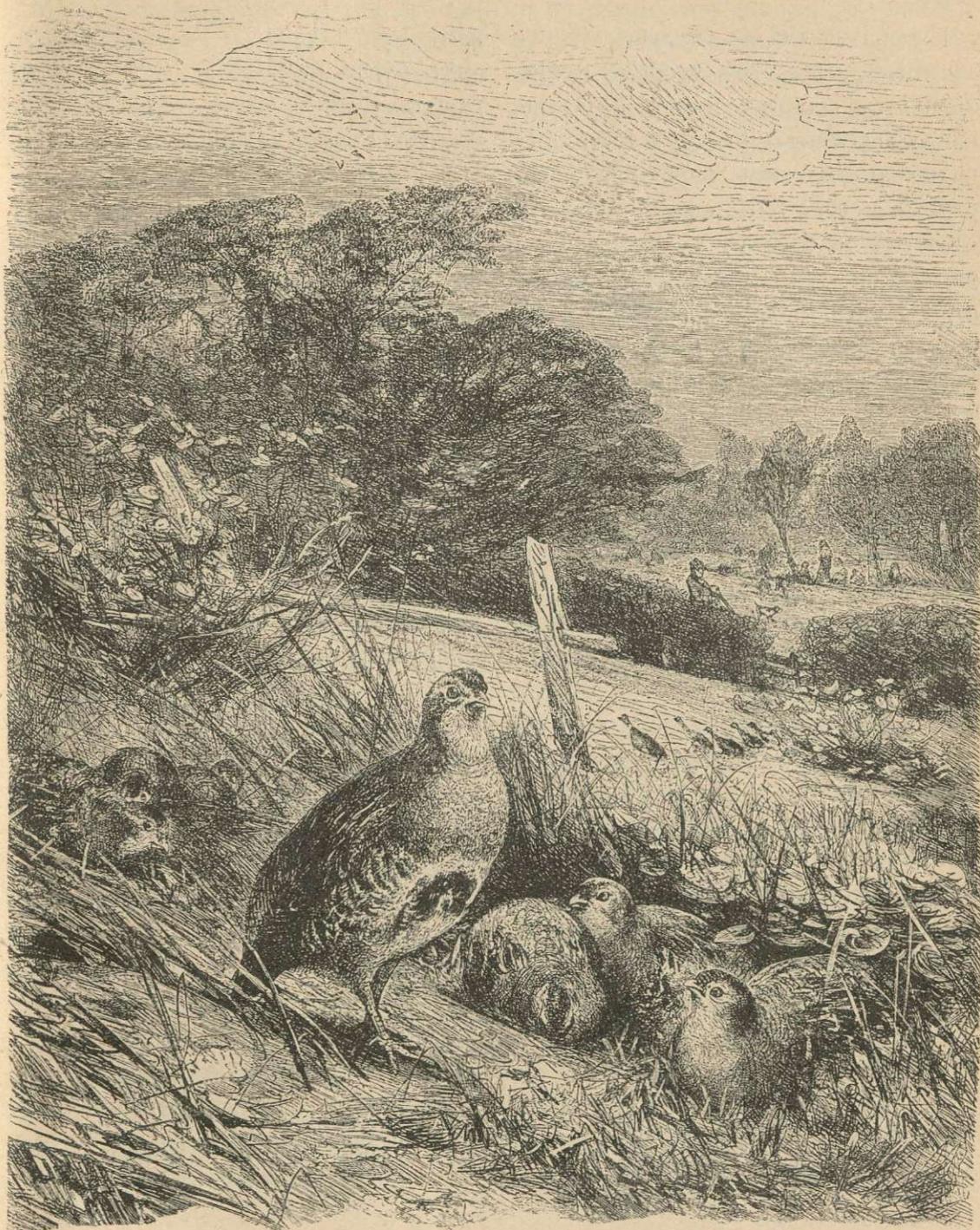
№ 7. Февраль. 1908.

БИБЛИО-  
ТЕКА  
МУЗЕЙ ЖИЗНИ

Два раза въ мѣсяцъ.

# Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Дѣти куропатки умирали отъ жажды.

## КУРОПАТКА.

Куропаткѣ было только десять мѣсяцевъ, когда она впервые встрѣтилась съ своимъ супругомъ, но она считалась уже взрослой и они, какъ голуби, стали жить парочкой, вдвоемъ. Она свила себѣ гнѣздо у лужицы съ водой и снесла въ немъ восемь яицъ, а ея мужъ сталъ стеречь ее отъ всякой случайности, спрятавшись неподалеку въ густой травѣ.

Первый страхъ куропатка испытала тогда, когда появилась около нея лиса. Хитрое животное отлично знало, что куропатки гнѣздятся обыкновенно недалеко отъ воды, подъ кустами, нависшими надъ бережкомъ, и, идя вдоль этихъ кустовъ, всюду пытливо засовывало свой носъ. Но лисицѣ не удалось замѣтить куропатки, потому что ея перья были почти такого-же цвѣта, какъ и земля на бережку, къ тому-же и куропатка такъ притаилась и такъ прижалась къ землѣ, что ее легко было принять за камень. Это былъ тяжелый для нея моментъ; она вспомнила, какъ ея двоюродная сестра была застигнута лисой врасплохъ, какъ разъ на самомъ гнѣздѣ и чтобы спасти отъ нея свои яйца, сама отдалась ей на съденіе. Видя, что куропатка въ опасности, ея мужъ сталъ отвлекать отъ нея вниманіе лисы и прикинулся для этого раненымъ. Онъ опустилъ крыло, точно оно было у

него прострѣлено, и сталъ дѣлать видъ, будто не можетъ летѣть. Прыгая по травѣ, почти у самага носа лисы, онъ отвелъ ее подальше отъ гнѣзда, совсѣмъ въ противоположную сторону, а затѣмъ вспорхнулъ и улетѣлъ далеко въ поле. Лиса побѣжала за нимъ и скоро потеряла его изъ виду.

Куропатка такъ была напугана этимъ, что закрыла глаза и стала дремать. Но тутъ появилась вдругъ новая опасность: сквозь листву кустовъ на нее уставились вдругъ чьи-то злые глаза; она сдѣлала надъ собою усиліе и приготовилась обороняться; это былъ ея старинный врагъ—хорекъ. Это былъ терпѣливый противникъ, способный просидѣть около нея цѣлую ночь напролетъ въ ожиданіи, не сойдетъ-ли она хоть на минутку съ своего гнѣзда, чтобы броситься въ него и съѣсть ея яйца. При этомъ хорька совсѣмъ не было видно и только и блестѣли, что его зеленые глаза. Онъ всегда былъ жаденъ до яицъ и зналъ, что насѣдка рано или поздно, но все-таки встанетъ съ гнѣзда, потому что ей захочется пить и она пойдетъ къ водѣ.

И куропатка бодрствовала всю ночь и хотя ей ужасно хотѣлось пить, но она боялась оставить свое гнѣздо и не сходила съ него до утра.

И все время хорекъ сидѣлъ не далеко отъ нея и смотрѣлъ на нее своими алчными глазами. Только къ утру возвратился къ ней ея супругъ, летавшій далеко, чтобы отвлечь вниманіе лисы. Онъ замѣнилъ куропатку на гнѣздѣ и она имѣла возможность напиться и полетать по полямъ, чтобы размять себѣ крылья и поклевать на свободѣ зеренъ. Такъ хорекъ и остался ни съ чѣмъ.

Съ утра начался дождь, а къ вечеру слѣдующаго дня вода въ лужахъ стала прибывать. Лужа все расширялась и расширялась и наконецъ подошла къ самому гнѣзду. Куропатка и безъ того уже промокла до костей отъ дождя, а теперь и гнѣздо ея наполнилось водою, да такою холодной, что начали остывать отъ нея нагрѣтыя куропаткой яйца. Она знала, что всѣ труды ея погибли, и съ крикомъ отчаянія бросила свое гнѣздо и стала сама спасаться отъ половодья. А если-бы собственникъ этой земли догадался раньше прорыть канаву, чтобы вода въ лужѣ имѣла свой стокъ, то онъ сберегъ бы этимъ не одно гнѣздо куропатокъ и не заставилъ-бы ихъ гнѣздиться вновь въ другихъ имѣніяхъ.

Бросивъ гнѣздо, куропатка и ея супругъ забились въ самую чащу, куда не проникали капли дождя, и стали обсушиваться, а затѣмъ стали ждать прекращенія дождя. И когда затѣмъ снова засіяло солнце, они стали отыскивать себѣ новую квартиру, гдѣ ихъ уже не постигнетъ на-

водненіе. Здѣсь они снова свили себѣ гнѣздо, куропатка снесла въ него восемь яицъ и черезъ двадцать шесть дней вывела изъ нихъ цыплятъ. Цыплята были похожи на куриныхъ, только помельче, и едва выпли изъ яицъ, какъ тотчасъ-же стали клевать мелкія зернышки, травку и ловить мошекъ и комаровъ. Теперь уже было настоящее лѣто, стояла сухая погода, такая сухая, что пересохла даже вода въ канавахъ. Но трава на поляхъ была уже высока и сочна и прямо съ гнѣзда мать увела въ нее своихъ цыплятъ, чтобы тамъ выучить ихъ пользоваться крыльями.

Она отлетала отъ нихъ на нѣкоторое пространство и садилась на землю, ожидая, когда они ее найдутъ. Она приучала ихъ относиться со вниманіемъ къ ея предостерегающему крику, когда ястребъ или коршунъ пролетали надъ головами. Однажды ястребъ замѣтилъ ихъ въ травѣ и бросился на нихъ съ вышины. Но мать крикнула имъ «рипъ-рипъ-рипъ» и они разсыпались во всѣ стороны горошкомъ и такъ отлично спрятались въ травѣ, что ястребъ не могъ ихъ найти и полетѣлъ дальше.

Одинъ разъ проходилъ черезъ поле человекъ. Онъ услыхалъ ихъ голоса и сказалъ:

— Ну, теперь вы, миленькія, попались!

Но съ нимъ, къ счастью, не было собаки, они прыгнули у него прямо изъ-подъ ногъ и такъ ловко скры-

лись, что онъ долго не могъ ихъ отыскать и пошелъ своей дорогой.

Затѣмъ мать перевела ихъ на поля, засѣянные зерновыми хлѣбами. Здѣсь было много зеренъ, цыплята клевали ихъ и съ этой поры стали вдругъ чувствовать жажду. И что за чудака этотъ человѣкъ, что посылалъ рожь не на болотѣ! Вѣдь какъ было-бы хорошо, если-бы тутъ-же была и вода! И вотъ куропатка повела свою семью черезъ поля и черезъ лѣса искать воды. Все кругомъ было сухо. Отъ жаркаго солнца пересохли даже и тѣ канавки, въ которыхъ каждую весну и осень была вода. Куропатка любитъ держаться однажды избраннаго участка, гдѣ



Ея цыплята сидѣли на землѣ въ забытѣ хвостъ къ хвосту.

она родилась, тамъ и живетъ до самой своей кончины, но жажда гонить ее иногда за десятки верстъ. Спокойной походкой, вытянувъ впередъ шею, вся семья потянулась на поиски за водой. Но по пути одинъ изъ цыплятъ куропатки, уставшій отъ длиннаго пути и не перенесшій жажды, раскрылъ свой клювъ и, пройдя еще нѣсколько шаговъ, скончался.

Невдалекѣ-же, въ усадьбѣ, люди играли въ крокетъ и говорили: «Какая прекрасная погода! То и дѣло слышатся и на поляхъ, и въ лѣсахъ писки куропатокъ. Должно быть ихъ много. Надо по осени затѣять на нихъ охоту!» А въ это время дѣти куропатки умирали одинъ за другимъ отъ жажды и она не знала, какъ помочь имъ и себѣ.

— «Теперь у меня уже не восемь дѣтей, а пять», думала куропатка. — «Что съ ними будетъ, если умру я и послѣ меня умретъ ихъ отецъ?»

Но она знала, что одна семья куропатокъ часто принимаетъ участіе въ осиротѣвшихъ малюткахъ другой семьи и оказываетъ столько-же нѣжности къ чужимъ дѣтямъ, сколько и къ своимъ, и была покойна за своихъ уцѣлѣвшихъ дѣтей.

«Только-бы ихъ нашла какая-нибудь другая куропатка», продолжала она думать, — «только-бы они не затерялись одни въ полѣ или въ лѣсу».

Наконецъ пролился дождь. У куропатки появилась надежда. Ея цыплята сидѣли на землѣ въ забытѣ,

хвостъ къ хвосту, точно со всѣхъ сторонъ приготовились встрѣтить опасность. Услышавъ, что идетъ дождь, они вскочили, напились и ободрились. Теперь ужъ они больше не погибнуть: въ каждой канавкѣ, въ каждой рытвинѣ будетъ вода и они успѣютъ добраться до рѣки или до болотца. И вотъ они снова отправляются въ путь. Отецъ идетъ, широко растопыривъ крылья, дѣти сѣменятъ подъ ними у него около ногъ, точно подъ навѣсомъ, а позади всѣхъ плетется ихъ мать.

Наступаетъ осень и цыплята вдругъ начинаютъ замѣчать, что они уже выросли и стали большими. Теперь имъ ужъ наступило раздолье: они могутъ перелетать съ мѣста на мѣсто, могутъ укрыться отъ любой хищной птицы и звѣря и ужъ не погибнуть отъ жажды. И цѣлыми семьями они отправляются на сжатые поля. Но здѣсь они не трогаютъ сноповъ, а ходятъ въ пространствѣ между ними и кротко подбираютъ осыпавшіяся зерна. И вдругъ раздается выстрѣлъ и другой. Нѣкоторыя изъ нихъ падаютъ мертвыми, а другія еще долго трепещутся въ предсмертныхъ мукахъ по землѣ. Выбѣгаетъ изъ-за кустовъ собака, а за нею выходитъ и человѣкъ. Онъ подбираетъ въ мѣшокъ убитыхъ и добываетъ оставшихся еще въ живыхъ. За плечами у него виситъ палка, изъ которой вылетаютъ огонь и смерть и собака почему-то виляетъ передъ нимъ хвостомъ и не боится этой палки.

Изъ семи убиты пять, а двѣ остаются въ живыхъ и улетаютъ подальше, чтобы, возвратившись обратно къ веснѣ, въ то-же мѣсто, гдѣ родились, снова пережить все то, что пережили ихъ мать и отецъ.

Но вотъ наступаетъ зима. Это—самое тяжелое для куропатокъ время. Онѣ не боятся морозовъ, но ихъ пугаетъ снѣгъ. Пока онѣ еще въ состояніи разгребать его, онѣ еще могутъ быть сыты, такъ какъ могутъ найти себѣ подъ снѣгомъ кормъ. Но едва только онѣ покроетъ землю толстымъ слоемъ или заледенѣетъ сверху, какъ куропаткамъ приходится плохо. Онѣ массаги погибаютъ отъ голода или становятся добычей хищныхъ птицъ и звѣрей и только иногда ихъ спасаютъ зайцы, разгребая снѣгъ и давая имъ возможность добраться до ѣды. И чѣмъ суровѣе зима, тѣмъ болѣе куропатка забываетъ свой страхъ передъ человѣкомъ, близко подходитъ къ его жилью и, если ее не вспугиваютъ собаки или самъ человѣкъ, она жадно набрасывается на тѣ зерна, которыя онъ бросаетъ своимъ курамъ.

Такъ случилось и съ оставшимися въ живыхъ дѣтьми куропатки. Томясь голодомъ, не зная, гдѣ найти себѣ пристанище, они подошли близко къ его жилью. Издалека доносилось до нихъ пѣніе пѣтуха и гоготанье гусей.

— Тамъ тепло, тамъ сытно, сказала одна куропатка другой.—Пойдемъ туда, быть можетъ, насъ накормитъ и обогрѣетъ человѣкъ!

— А что, если тамъ есть собаки? отвѣтила другая.

— А мы подойдемъ поближе и поглядимъ.

Со страхомъ, онѣ робко подошли къ оградѣ усадьбы и, вытянувъ впередъ шеи, заглянули черезъ нее во дворъ. Было холодно, лежало много снѣга, но у курятника, на солнышкѣ, столпились куры и какая-то женщина щедрою рукой сыпала имъ кормъ. Невдалекѣ, у будки сидѣла собака на цѣпи и передъ нею тоже стояла чашка съ ѣдой.

— Собака на привязи, сказала куропатка.—Войдемъ!

И онѣ вошли и, присоединившись къ курамъ, стали жадно ѣсть.

— Это еще что за птицы! удивилась хозяйка и, взявъ ихъ на руки, внесла ихъ въ избу.

Здѣсь было тепло и пахло печенымъ хлѣбомъ.

— Иванъ Федорычъ, обратилась хозяйка къ человѣку, сидѣвшему за столомъ, — погляди-ка, что это за птицы! Пришли къ нашимъ курамъ и стали клевать.

Иванъ Федорычъ взялъ птицъ къ себѣ на руки, оглядѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ и сказалъ:

— Это, Аннушка, куропатки. Ты не трогай ихъ и корми. При хорошемъ обращеніи онѣ становятся ручными, нѣжно привязываются къ своимъ хозяевамъ, грустятъ, когда не видятъ ихъ долго, и радуются, когда снова ихъ встрѣчаютъ. Онѣ съ выразительною благодарностью принимаютъ всякую ласку отъ человѣка и ведутъ себя, какъ члены его семьи. Это хорошая, умная, привязчивая птица. Жаль только, что ее сильно истребляетъ человѣкъ!

Хозяйка опустила куропатокъ на полъ и бросила имъ крошекъ хлѣба. Онѣ стали клевать. А когда онѣ отогрѣлись и наѣлись, то она снесла ихъ въ курятникъ и оставила ихъ тамъ вмѣстѣ съ курами однихъ.

И стали куропатки жить вмѣстѣ съ курами и когда наступила весна, онѣ уже не улетѣли изъ усадьбы въ поле и остались жить у человѣка навсегда.

С. Вершининъ.

## ЗАГАДКИ.

- 1) Два брата рядомъ живутъ, а другъ друга не видятъ. Глаза.
- 2) Вертится около носа, а руками не поймашь. Запахъ.
- 3) Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ, хожу я босякомъ, хотя и въ сапогахъ. Гвоздикъ въ каблукѣ сапога.
- 4) Бѣгутъ два братца поменьше, а два братца постарше ихъ догоняютъ и все никакъ догнать не могутъ. Колеса въ экипажѣ.

## АНГЕЛЬ-ХРАНИТЕЛЬ.

Кто твой сонъ лелѣеть сладкій  
Надъ твоей склонясь кроваткой,  
Мой малютка дорогой?

— Ангель твой!

Кто хранить при этомъ чутко  
Миръ души твоей, малютка,  
И съ грѣхомъ вступаетъ въ бой?

— Ангель твой.

(Изъ А. Медвѣда).

Кто тобою руководить  
И тебя, малютка, вводитъ  
Въ жизнь надежную тропой?

— Ангель твой!

Кто, какъ вѣкъ твой прекратится,  
Приметь духъ твой и помчится  
Къ небесамъ съ твоей душой?

— Ангель твой!

Н. Н. Новичъ.



## Б А Р Р И.

(Повѣсть <sup>1)</sup>).

(Продолженіе).



— Ну, что вы скажете на это, Жанна? спросилъ докторъ. — Согласны-ли вы поступить въ няни къ герцогу Борегару?

— Я буду счастлива, докторъ, отвѣтила Жанна. — Только не знаю, съумѣю-ли я угодить господину герцогу и его супругѣ?

— О, я увѣренъ! ободрилъ ее докторъ. — Въ такомъ случаѣ вотъ вамъ деньги, а вотъ и письмо къ герцогу Борегару, въ которомъ я даю вамъ рекомендацію. Потрудитесь немедленно-же собираться въ путь и какъ можно скорѣе отправляйтесь въ Италію.

— Хоть на край свѣта, докторъ!

воскликнула Жанна и поцѣловала ему руку.

А тѣмъ временемъ Маркизь Кламеранъ приказалъ заложить себѣ коляску и отправился завтракать къ герцогинѣ Борегаръ.

Когда коляска остановилась у знакомаго намъ крыльца, маркизь выскочилъ изъ нея и позвонилъ.

Незнакомый швейцаръ отворилъ ему дверь.

— Вамъ кого? спросилъ онъ Кламерана.

— Герцога и герцогиню Борегаръ! надменно отвѣтилъ маркизь. — Развѣ ты не видишь, кто я?

— Виноватъ, сударь, но я васъ со-

<sup>1)</sup> Собственность «Золотого Дѣтства».

вершенно не знаю и, смѣю думать, что не знаютъ васъ и мои господа.

Кламеранъ разсердился.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить,—воскликнулъ онъ,—когда я—наслѣдникъ этого дома и могу тебя сейчасъ-же уволить?

— Никакъ нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ швейцаръ.—У насъ есть свой наслѣдникъ—графъ де-Латушъ. А ваша милость вѣроятно изволили ошибиться, потому что герцогъ и герцогиня Борегаръ продали этотъ домъ моимъ господамъ, а сами уѣхали неизвѣстно куда.

Маркизь поблѣднѣлъ.

— Какъ уѣхали?—воскликнулъ онъ.

— Такъ и уѣхали!—отвѣтилъ швейцаръ.—Взяли, да и укатили!

— Куда-же они отправились?

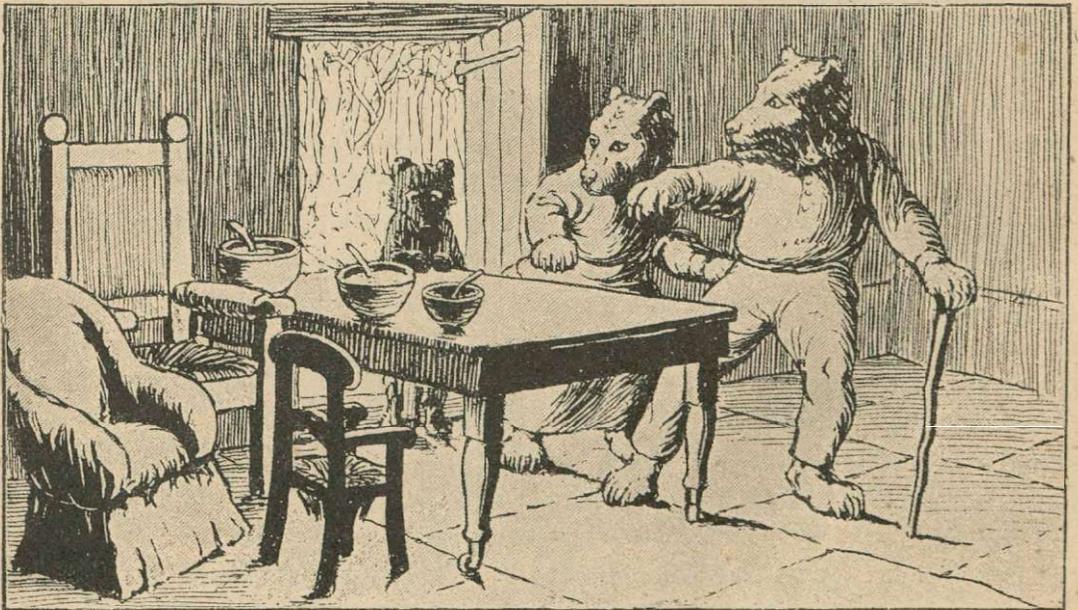
— А ужъ этого не могу знать, ваша милость. Говорятъ, что загра-

ницу. Сказываютъ, имъ такъ скучно стало здѣсь однимъ, что они даже себѣ младенца изъ Воспитательнаго дома взяли хотѣли.

— И что-же, взяли?

— А ужъ этого, извините, сударь, я не знаю. Слышалъ, что они поговаривали о ребенкѣ изъ Воспитательнаго дома и даже Жакомъ его называли, а ужъ взяли-ли его,—не знаю.

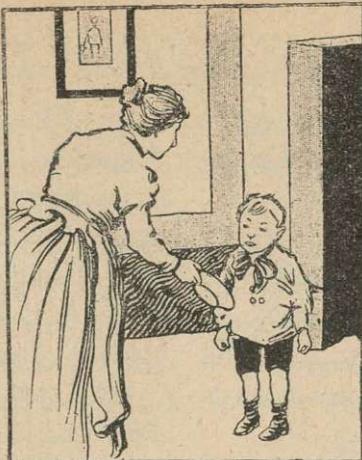
Волосы у Кламерана зашевелились. Этого онъ никакъ не ожидалъ. Неужели этотъ негодяй, этотъ трусъ Петруччио исполнилъ свою угрозу? Неужели онъ все рассказалъ герцогу Борегару? И если онъ дѣйствительно все открылъ герцогу, какъ было, то почему-же герцогъ не велѣлъ сразу-же арестовать его? Почему не привлекъ къ отвѣтственности его, маркиза Кламерана? Нѣтъ, здѣсь какая-то тайна!



Загадочная картинка. Гдѣ дѣвочка, съѣвшая супъ у медвѣжонка?



1. — Митя, брось свой барабан и сбѣгай въ лавку, купи соли и перца!



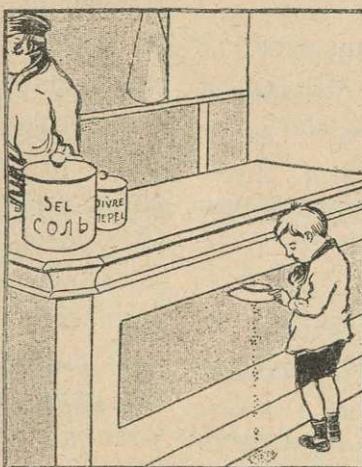
2. Вотъ тебѣ тарелка, только смотри, не смѣшай: соль положи на одну сторону, а перецъ на другую.



3. — Дайте на копѣйку соли!



4. — Гм... Какъ же теперь положить перецъ на другую сторонуку?



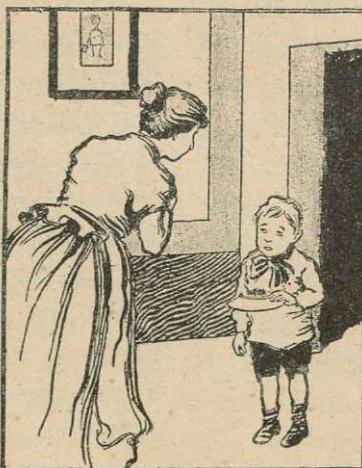
5. Ага, вотъ какъ!



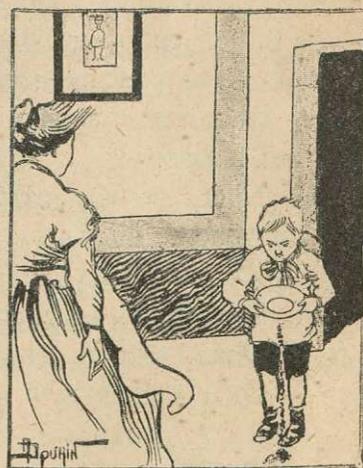
6. — Дайте на двѣ копѣйки перца!



7. Вотъ теперь отлично: перецъ на одной сторонкѣ, а соль на другой.



8. — Мама, вотъ перецъ! — А гдѣ-же соль?



9. — Вотъ здѣсь, на [другой сторонкѣ]!

И онъ снова сѣлъ въ коляску и прямо отсюда поскакалъ въ Воспитательный домъ.

— Скажите пожалуйста, обратился онъ все къ тому-же бухгалтеру,—не брать-ли кто-нибудь отъ васъ на самыхъ послѣднихъ дняхъ ребенка, подкинутого два года тому назадъ 13-го Ноября?

Бухгалтеръ раскрылъ свою книгу.

— Такъ точно... отвѣтилъ онъ.— Ею взяла одна бѣдная женщина, по имени Жанна Сюзоръ...

— Вы не знаете, гдѣ она живетъ?

— Какъ-же, какъ-же! Мы всегда записываемъ адреса всѣхъ лицъ, берущихъ у насъ дѣтей.

— Не можете-ли вы сообщить мнѣ ея адресъ?

— Съ удовольствіемъ...

Бухгалтеръ снова заглянулъ въ книгу и сообщилъ Кламерану, гдѣ жила Жанна Сюзоръ.

— Это—улица Трехъ Святителей, сказалъ онъ,—домъ № 42, кв. № 12.

Кламеранъ тотчасъ же приказалъ кучеру ѣхать туда. Тамъ онъ потребовалъ къ себѣ старшаго дворника и сталъ его спрашивать.

— Не жила-ли у васъ на квартирѣ Жанна Сюзоръ?

— Такъ точно, отвѣчала дворникъ,—жила. Только она уѣхавши.

— Уѣхавши? Куда?

— Въ Италію, въ городъ Миланъ.

— Одна, или съ кѣмъ-нибудь?

— Съ ребеночкомъ.

— Двухъ лѣтъ?

— Такъ точно, сударь, двухъ лѣтъ.

— Давно былъ при ней этотъ ребенокъ?

— Никакъ нѣтъ, сударь, всего только одни сутки. Она взяла его изъ Воспитательнаго дома.

— А гдѣ она жила раньше?

— У доктора Рикаръ.

Ну, такъ и есть! Этотъ старый докторъ былъ домашнимъ врачомъ и другомъ герцога Борегара и навѣрное онъ устроилъ всю штуку черезъ Жанну Сюзоръ, чтобы отвести ему, Кламерану, глаза. Но нѣтъ! Онъ не такой дуракъ, чтобы дать имъ себя провести! Онъ сейчасъ-же поскачетъ вслѣдъ за Жанной, отниметъ у нея ребенка на пути и помѣшаетъ ей передать его герцогу Борегару. Онъ догонитъ ее, гдѣ-бы она ни была и чего-бы это ему ни стоило и доведетъ свое дѣло до конца.

И, давъ старшему дворнику на чай, онъ сѣлъ въ коляску и укатилъ, и въ тотъ-же день вечеромъ, одинъ, не взявъ съ собою слуги, отправился въ далекій путь.

А Жанна тѣмъ временемъ уже находилась въ Швейцаріи, на пути въ Люцернъ.

Было холодно, снѣжно и сильный вѣтеръ гналъ передъ собою тучи снѣга. Съ горы Пилатусъ нависли темныя облака и было сумрачно. Фирвальдштеттерское озеро бушевало и пароходъ прекратилъ свои рейсы въ Веггисъ и Флюэленъ. Вездѣ въ домахъ горѣлъ огонь въ печахъ и жители говорили, что никогда въ Швейцаріи не было такой лютой зимы.

У почтоваго двора въ Люцернѣ стояла карета и продрогшій кондукторъ въ послѣдній разъ протрубилъ въ свою трубу. Сейчасъ она тронется въ путь и уже цѣлую недѣлю больше не будетъ сообщенія съ Италией, такъ какъ поднялась метель и черезъ Сенъ-Готардскій проходъ нельзя будетъ ни проѣхать, ни пройти.

Пассажиры усѣлись въ карету, полные страха за будущее, бичъ щелкнулъ и карета двинулась въ путь.

— Не ѣздите! говорили имъ въ городѣ.—Развѣ не видите, что въ горахъ метель. Вы застрянете въ снѣгу, вы замерзнете, вы не останетесь въ живыхъ.

— Намъ нужно, отвѣчали пассажиры.—У насъ въ Италиі жены и дѣти, они ждутъ насъ и будутъ о насъ беспокоиться.

— Но развѣ вы не видите, что горы всѣ въ туманѣ, что тамъ теперь метель?

— Богъ поможетъ намъ добраться до монастыря, а тамъ дальше уже будетъ теплѣ!

— Но вѣдь добраться до монастыря теперь мудрено, монастырь стоитъ на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ и васъ не пуститъ туда метель!

— Богъ намъ поможетъ...

— Оставайтесь, путники, вѣдь въ горахъ сейчасъ можно сбиться съ дороги, на васъ можетъ обрушиться цѣлая лавина снѣга, вы можете погибнуть. Переждите недѣлю!

— Богъ намъ поможетъ. Это послѣдняя карета и мы должны восполь-

зоваться ею. Насъ ждутъ наши жены и дѣти. Они будутъ беспокоиться о насъ.

И съ хлопаньемъ бича и звуками рожка карета выѣхала изъ почтоваго двора и скоро скрылась за снѣжною пеленою.

Ей печально смотрѣли вслѣдъ и качали головами.

— Они могутъ погибнуть... говорили тѣ, которые остались.

— Только-бы добраться до ночи до монастыря... думали тѣ, которые поѣхали.

— Зато у нихъ опытный кучеръ Луиджи... говорили тѣ, которые остались.—На него можно положиться. Онъ доставитъ ихъ сегодня-же до монастыря.—Луиджи хорошій кучеръ.

— Только-бы не подулъ вѣтеръ со стороны Риги и Пилатуса, думали тѣ, которые поѣхали. Богъ намъ поможетъ! Насъ ждутъ наши жены и дѣти. Они беспокоятся о насъ...

А вѣтеръ злился все больше и больше и цѣлая туча снѣга валилась на дорогу, горы и на холодное, озябшее озеро, ставшее сѣрымъ.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда кареты подѣхала къ почтовому двору какая-то женщина съ ребенкомъ. Она озябла и еле смогла вылѣзти изъ экипажа. Это была Жанна Сюзоръ. Она видимо торопилась.

— Не спѣшите, синьора, обратился къ ней почтмейстеръ.—Еще успѣете. Вамъ придется еще долго ждать! Вы опоздали!

— Отчего? спросила съ удивленіемъ Жанна.—Я ѣду въ Италию и

миѣ сказали, что карета туда отходитъ каждый день.

— Это вѣрно, синьора, продолжалъ почтовый чиновникъ,—но развѣ вы не видите, какая буря? Только часъ тому назадъ мы отправили въ Италию послѣднюю карету и боимся, что она не сможетъ добраться даже до монастыря. Теперь не будемъ посылать каретъ дней десять или двѣнадцать, пока не расчистятъ дорогу и не прекратится буря совсѣмъ.

Жанна всплеснула руками.

— Но вѣдь черезъ три дня Рождество!.. воскликнула она.—Неужели я должна его провести здѣсь, въ этой душной комнатѣ, гдѣ не на чемъ лечь, негдѣ обогрѣться?

— Что дѣлать, синьора, что дѣлать?.. вздохнулъ почтовый чиновникъ.

Жанна вышла за ворота и поглядѣла на погоду. Передъ ней разстилалось сѣрое, холодное, но не замерзшее еще озеро, а справа виднѣлась въ туманѣ громадная масса горы Пилатусъ. Далѣе не было видно ничего: ни домовъ, ни церквей, ни Альпійскихъ горъ на горизонтѣ, черезъ которыя ей предстояло перейти. Все утопало подъ снѣжной пеленою. Неужели-же Жаннѣ придется цѣлыя двѣ недѣли оставаться здѣсь, безъ теплой одежды, безъ ѣды, да еще вмѣстѣ съ ребенкомъ и на Рождество? Ахъ, какъ она опрометчиво поступила, что послушалась какого-то господина въ Базелѣ и переночевала тамъ лишнюю ночь! Если-бы она не отдыхала тамъ,

то она поспѣла бы къ послѣдней каретѣ и теперь была-бы уже на пути черезъ горы въ Италию. Правда, у нея тамъ сталъ покашливать ея Робертъ, ей необходимо было дать ему отдохнуть, но кто-же не знаетъ, что дѣти такъ-же легко и выздоравливаютъ, какъ и заболѣваютъ!

И пока она стояла такъ у воротъ почтового двора и съ грустью смотрѣла на груды снѣга, къ ней вдругъ подошелъ тотъ самый господинъ, съ которымъ она встрѣтилась вчера въ Базелѣ и по совѣту котораго осталась отдохнуть.

— Какая неприятность! сказалъ онъ ей.—Неужели намъ придется оставаться здѣсь?

— Да, сударь, отвѣтила Жанна.— Часъ тому назадъ уѣхала послѣдняя карета!

Господинъ рѣшительно тряхнулъ головой.

— Да, но я ни за что не останусь здѣсь, сказалъ онъ.

— Что-же вы намѣрены дѣлать, сударь? спросила Жанна.

— Я отправлюсь пѣшкомъ. Я переходилъ черезъ Альпы уже нѣсколько разъ и лѣтомъ, и зимой, и знаю Сень-Готардскій проходъ, какъ свои пять пальцевъ. Если я доберусь до монастыря до ночи, то завтра уже я буду въ Итали, гдѣ все теперь зелено и всѣ фруктовыя деревья въ цвѣту.

— А если не доберетесь?

— Этого не можетъ быть, потому что я знаю кратчайшую дорогу. Если-бы и вы отправились вмѣстѣ со мною,

то мы прибыли бы въ монастырь на два часа раньше той почтовой кареты, что часъ тому назадъ отсюда ушла. Хотите идти вмѣстѣ со мною?

Жанна задумалась.

«Не ходи», шепталъ ей внутренній голосъ,—«ты погибнешь!»

И въ то-же время другой внутренній голосъ шепталъ ей:—«Иди! Отчего не пойти? Положись на этого человека. Ему извѣстны всѣ тропинки въ горахъ! Если ты съ нимъ пойдешь, то завтра уже ты будешь въ Италіи, гдѣ все зелено и все въ цвѣту и гдѣ твой сынъ встрѣтитъ Рождество вмѣстѣ съ сыномъ герцога Борегара въ радости и въ теплѣ!»

— А мы не погибнемъ, сударь?— робко спросила она.

Онъ усмѣхнулся себѣ въ бороду.

— Я знаю всѣ тропинки въ Альпійскихъ горахъ, отвѣтилъ онъ.— Сень-Готардскій проходъ я знаю, какъ свои пять пальцевъ.

И онъ накинулъ на себя плащъ, взялъ въ руки высокую альпійскую палку и приподнялъ шляпу.

— Прощайте! сказалъ онъ.— Я иду пѣшкомъ! Пойдемте со мною!

Жанна подумала съ минуту, а затѣмъ, рѣшившись, сказала:—

— Пойдемте.

И плотнѣе завернувши ребенка въ шаль, она тоже взяла палку и послушно послѣдовала за незнакомцемъ.

— Не ходите! кричали имъ вслѣдъ.— Вы погибнете! Развѣ вы не видите, какая метель? Вы безумцы!

— Не вѣрьте имъ! говорилъ незнакомецъ Жаннѣ.— Я знаю всѣ тропинки. Они хотятъ, чтобы вы остались у нихъ и потратили у нихъ свои деньги.

И они пошли.

Вотъ Аксенштрассе, вотъ Флюэленъ, вотъ Веггисъ... Сейчасъ будетъ послѣднее селеніе Гешененъ—и они вступятъ въ суровыя, мрачныя горы.

Вернитесь, путники! Вы погибнете! Зачѣмъ вы пошли?

Но путники идутъ!

Горы, горы и горы... Послѣднее поселеніе давно уже осталось позади. Снѣгъ валится сверху, сыплется съ боковъ и залѣпляетъ глаза. Если вернуться назадъ, то такъ-же не достигнешь послѣдняго поселенія, какъ тяжело теперь достигнуть и монастыря. Можно погибнуть.

— Я устала... говоритъ женщина.— Я продрогла... Мой мальчикъ плачетъ...

— Идемъ!.. говоритъ незнакомецъ.— Сейчасъ за этимъ поворотомъ монастырь!

Они поворачиваютъ, затѣмъ еще разъ и еще, но монастыря все нѣтъ и нѣтъ.

Горы, горы и горы... Дуетъ рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ залѣпляетъ глаза и далеко въ пропастяхъ слышатся глухіе удары, похожіе на пушечные выстрѣлы. Это глыбы снѣга срываются съ горъ и падаютъ въ ущелья.

Страшно.

Они идутъ по самому краю обрывовъ, ихъ ноги скользятъ по скаламъ

и каждую минуту они готовы сорваться и упасть.

— Я устала... говорить женщина.—Я больше не могу идти...

— Сейчас будетъ монастырь... отвѣчаетъ мужчина,—тамъ ты отдохнешь...

Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Снѣгъ повсюду: наверху, внизу и съ боковъ... Леденящій вѣтеръ дуетъ изъ ущелій и засыпаетъ снѣгъ за шею, въ сапоги и въ рукава.

Но монастырь еще далеко. Монастыря еще не видно. Гдѣ ты, монастырь?

Путники, зачѣмъ вы пошли въ такую бурю въ горы? Зачѣмъ не остались на почтовомъ дворѣ? Вы—безумцы!

Но путники все идутъ и идутъ... Впереди мужчина. Позади женщина съ ребенкомъ.

Темнѣетъ. Сумрачно. Ночь.

Бѣлыя громады горъ поднимаются съ боковъ и высоко тѣсняются кругомъ. Вѣтеръ хлещетъ снѣгомъ по щекамъ и сбиваетъ съ ногъ. Впереди—темная, зіяющая пропасть, похожая на погребъ.

— Я не могу... говорить женщина.—Я устала... Мнѣ нужно отдохнуть!

— Ни одной минуты! отвѣчаетъ мужчина.—Иначе замерзнешь и уже не проснешься вновь.

— Но я ничего не вижу! Ночь такъ темна, что я не знаю, куда иду.

— Иди! Иди!

И они идутъ. Впереди онъ, а за нимъ, усталая, она. У нея на рукахъ ребенокъ.

Онъ останавливается и начинаетъ слушать.

Дуетъ вѣтеръ и гудитъ въ ущельяхъ и въ вершинахъ сосенъ, которыхъ за темнотою не видно.

— Слышишь? говоритъ онъ.

— Слышу, отвѣчаетъ она.—Что это?

— Это звонъ... Это колоколь монастыря. Тамъ теперь звонятъ и путники, слыша звонъ, должны идти въ монастырь. Это звонятъ монахи. Они будутъ звонить цѣлую ночь.

Она останавливается и говоритъ:

— Мы спасены!

Но онъ громко смѣется, такъ что эхо повторяетъ раскаты его смѣха, и говоритъ:

— Глупая! Развѣ ты не видишь, что я нарочно завелъ тебя въ горы, чтобы отнять у тебя этого ребенка?

И прежде, чѣмъ она можетъ сообразить, въ чемъ дѣло, онъ вырываетъ у нея изъ рукъ ребенка и бросаетъ его въ пропасть.

Ребенокъ вскрикиваетъ и исчезаетъ въ глубокой темнотѣ.

Какъ безумная, стоитъ она у края пропасти, дрожитъ и слезы уже не льются у нея по щекамъ. Удивленіе ея слишкомъ велико и не имѣетъ границъ. Къ тому-же она устала.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? спрашиваетъ она.

— Зачѣмъ? повторяетъ онъ.— Развѣ ты не знаешь, что я маркизъ

Кламеранъ и что этотъ ребенокъ—сынъ герцога Борегара? Теперь ужъ онъ не будетъ мнѣ мѣшать и я снова сдѣлаюсь наслѣдникомъ Борегара.

— Это мой сынъ... отвѣчаетъ она.— Герцогъ Борегаръ теперь въ Италиі и его сынъ теперь тамъ, вмѣстѣ съ нимъ. Ты погубилъ моего ребенка!

Кламеранъ громко смѣется и эхо опять повторяетъ его смѣхъ.

— Ну, что-жъ, отвѣчаетъ онъ.— Туда ему и дорога!

— Но я спасу его! восклицаетъ она.— Я достану его оттуда, потому что мнѣ поможетъ Богъ.

Онъ хватаетъ ее за плечо и тоже съ силою сталкиваетъ ее въ пропасть.

— Спасай!.. говоритъ онъ.— Теперь вамъ обоимъ не выбратъся оттуда!

Вѣтеръ подхватываетъ ея вопль и разноситъ его по горамъ. Затѣмъ все смолкаетъ и Кламеранъ остается одинъ.

— Теперь я опять наслѣдникъ Борегара! говоритъ онъ.— Его маленький сынъ Жакъ уже не помѣшаетъ мнѣ никогда!

И оставивъ въ пропасти мать и дитя, съ торжествующимъ видомъ, онъ гордо поднимаетъ голову и снова отправляется въ путь.

Вокругъ него злится вьюга, дуетъ рѣзкій вѣтеръ, падаютъ лавины и, точно пушечные выстрѣлы имъ вторить эхо, а онъ все идетъ и идетъ...

«Это хорошо», думаетъ онъ,— «что я довелъ ее до того самаго мѣста,

откуда уже слышенъ звонъ монастыря! Теперь мнѣ легче спастись самому и попасть по звону въ монастырь».

И онъ все идетъ и идетъ, а буря дѣлается все ужаснѣе и злѣе.

«Кажется, перемѣнился вѣтеръ»... думаетъ онъ часъ спустя.— «Сейчасъ только я слышалъ звонъ, а теперь его уже вовсе не слышать... Какъ-бы мнѣ не заблудиться?..»

Да, вѣтеръ перемѣнился, вѣтеръ уже задулъ съ другой стороны и Кламеранъ не знаетъ теперь, куда ему идти... Кругомъ громады, покрытыя снѣгомъ, а глубоко внизу что-то страшно шумить. Это горный водопадъ, который не замерзаетъ никогда.

Кламеранъ переводитъ духъ, останавливается, прислушивается, старается уловить звукъ колокола, но его уже не слышно.

Кламеранъ, ты погибъ!

«Должно быть я сбился съ дороги», думаетъ онъ и поворачиваетъ назадъ.

А затѣмъ, пройдя нѣкоторое пространство, онъ снова останавливается и, полный тревоги, начинаетъ снова слушать.

«Нѣтъ, нужно было идти туда, куда я и шелъ», говоритъ онъ.

И снова поворачиваетъ назадъ.

Ночь. Горы. Валится хлопьями снѣгъ и вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо.

Внизу, въ пропасти, лежитъ, точно мертвая, Жанна Сюзоръ, а не далеко



отъ нея—ея ребенокъ, сынъ герцога—Жакъ.

И обоихъ ихъ засыпаетъ снѣгъ. Ихъ уже не видно.

А Кламеранъ все ходитъ взадъ и впередъ и не знаетъ, куда ему идти...

Кламеранъ ты погибъ!

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## СЪ МѢСТА НА МѢСТО.

(Сказка).

Лука и его жена Людмила только что сѣли за обѣдъ. Изъ кипящаго горшка, только что вынутаго Людмилой изъ печки, распространялся пріятный запахъ вкусныхъ шей. Въ кухнѣ было просторно и свѣтло и по стѣнамъ ея висѣли мѣдныя кастрюли, такъ и сверкавшія на лучахъ солнца, а въ шкафахъ и на полкахъ было столько наставлено разныхъ припасовъ, что, повидимому, ихъ некуда было и дѣвать. Во всемъ чувствовался избытокъ. Лука самодовольно сѣлъ за столъ и, завѣсившись салфеткой, принялся за обѣдъ. Сначала онъ выпилъ рюмку водки и закусилъ редиской со сливочнымъ масломъ, а затѣмъ налилъ себѣ тарелку шей, накрошилъ въ нихъ мяса, посолилъ, поперчилъ и сталъ ѣсть.

— Ну, какъ тебѣ нравятся щи? спросила его Людмила.

— Такъ себѣ... отвѣтилъ Лука.— Все щи, да щи... Надоѣли! Пора-бы ужъ поѣсть чего-нибудь такого... этакаго... вкусенькаго!

И съѣвши двѣ тарелки шей, онъ глубоко вздохнулъ отъ тѣсноты въ желудкѣ и принялся за жаренаго гуся. Гусь былъ большой и мужу и женѣ предстояло его осилить только вдвоемъ. Это было трудно для нихъ, но они не унывали и ѣли его такъ, точно старались доказать другъ другу,

что одинъ можетъ съѣсть больше, чѣмъ другой.

Было жарко и съ Луки уже давно катился седьмой потъ. Окошко въ огородъ было отворено, но въ него нисколько не доносилось прохлады и пришлось отворить дверь. И только что Лука вновь усѣлся за столъ и вновь принялся за остатки гуся, какъ на порогѣ показалась маленькая сгорбленная старушка, такая маленькая,



На порогѣ показалась маленькая сгорбленная старушка.

какъ дѣвочка. На головѣ у нея былъ высоко завязанъ платокъ и одѣта она была въ жалкія лохмотья. Въ рукахъ у нея была толстая сучковатая палка, а ноги ея были просто обмотаны въ тряпки: башмаковъ у нея не было. Губы ея ввалились отъ отсутствія зубовъ и на носу были толстые старческіе очки. Все лицо ея было въ морщинахъ. Она опиралась костлявыми руками о палку и трясла отъ старости головой.

Увидѣвъ ее на порогѣ, Людмила закричала:

— Уходи, уходи, старуха! Иди своей дорогой! У насъ не подають!

Старушка глубоко вздохнула.

— Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть... проговорила она.—Я не ѣла уже два дня...

— Убирайся-же, когда говорятъ! въ свою очередь крикнулъ на нее и Лука.—Ну, живо! Чего стоишь?

Старушка выпрямилась и, поднявъ свою палку, сдѣлала ею какое-то особенное движеніе. А затѣмъ она засмѣялась и отъ этого ея смѣха морозъ пробѣжалъ по спинамъ у Луки и Людмилы.

— Уходи-же вонъ! вновь закричалъ на нее Лука и вскочилъ изъ за стола, чтобы ее прогнать.

Но она тихонько повернулась назадъ и тихонько побрела своей дорогой. И еще долго Лука и Людмила слышали ея смѣхъ.

— Какъ противно смѣется... сказала Людмила, вновь принимаясь за гуся.

— Да... проговорилъ Лука.—Отъ такого смѣха не поздоровится... А все-таки неловко, что мы ей не подали ничего!

И имъ стало какъ-то совѣстно другъ передъ другомъ. Они долго молчали.

— Ты-бы пошла въ огородъ, обратился наконецъ Лука къ женѣ,—и нарвала-бы тамъ салату на закуску!

Прямо отъ дома начинался огородъ, на которомъ у нихъ росла масса овощей и плодовъ. Они отъ него кормились сами и все, что не съѣдали, продавали сосѣдямъ за хорошія деньги. Это была жизнь вполне обеспеченная и всѣ сосѣди завидовали имъ и считали ихъ богатыми.

Людмила отправилась на огородъ и отыскавъ самую лучшую грядку распустившагося салата, нагнулась, чтобы его сорвать. Какъ вдругъ,—о, удивленіе!—салатъ самъ вырвался изъ грядки, прыгнулъ ей прямо къ лицу, больно ударилъ ее по щекѣ и улетѣлъ. Вслѣдъ за нимъ и всѣ другія овощи повыскакивали вдругъ изъ земли, перелетѣли черезъ деревья и были таковы!

— Лука! Лука! закричала Людмила въ испугѣ.—Иди скорѣе сюда!

Лука побѣжалъ скорѣе въ огородъ и здѣсь со всѣхъ сторонъ на него набросились овощи и плоды. Одинъ ударилъ его въ грудь, другой въ спину, морковки, какъ барабанныя палки, застучали у него по животу, картошки посыпались на него, точно градъ, артишоки стали колоть его

въ бока, а громадная тыква со всего размаха угодила ему прямо въ носъ. Спѣлая дыня высоко подпрыгнула въ воздухъ и съ такою силою шлепнулась ему объ голову, что разлетѣлась на части, а ея жижка съ сѣмечками, липкая и противная, потекла у него по лицу.

Полные ужаса, избитые и исколотые, несчастные супруги не знали, что имъ дѣлать. А тѣмъ временемъ овощи и плоды, окончивъ свое дѣло, опустились на землю и затѣмъ цѣлой тучей перелетѣли черезъ заборъ и скрылись неизвѣстно куда. Лука и Людмила остались одни на опустошенномъ огородѣ.

Невдалекѣ отъ нихъ былъ бѣдный домикъ съ маленькимъ, засохшимъ садикомъ; почва въ этомъ садикѣ была такъ истощена, что въ ней не росла даже редиска. Жили здѣсь бѣдняки, мужъ и жена. Они были такъ бѣдны, что подчасъ имъ даже нечего было ѣсть, но они никогда и никому не жаловались на свою судьбу, вѣчно были веселы, добры и покорно переносили свою бѣдность.

Въ домикѣ у нихъ почти вовсе не было мебели, такъ какъ все было прожито, и не только не было чего положить въ шкафъ, но даже и шкафа самага не было. Человѣка этого звали Иваномъ и жену его Марьей.

Въ тотъ самый часъ, когда Лука и Людмила такъ вкусно обѣдали, Иванъ и Марья готовились раздѣлить между собою сухую корку хлѣба.

— А вкусный у насъ хлѣбецъ! сказалъ Иванъ.—Точно пряникъ!

— Да... отвѣтила Марья.— Хорошо еще, что у насъ зубы есть! А то онъ такой мягкій, какъ камень. Смотри, не подавись!

— Ничего! Свой хлѣбъ во рту поеть, а чужой весь ротъ обдереть!

Въ эту минуту у нихъ на порогѣ показалась та самая старушка, которую такъ негостепріимно встрѣтили Лука и его жена.

Она остановилась, тяжело дыша, и сгорбилась еще сильнѣе. Изъ груди ея вырывались тяжелые вздохи.

— Добрые люди, обратилась она къ Ивану и Марьѣ.—Дайте мнѣ чегонибудь поѣсть. Я не ѣла уже два дня!

Иванъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головой.

— Эхъ, бабушка! сказалъ онъ.— У насъ и самихъ-то нѣтъ ничего! Просто хотъ собственными пальцами закусывай!

Но Марья не дала ему говорить.

— Входи, входи, бабушка! обратилась она къ старушкѣ.— У насъ только и есть, что эта корка чернаго хлѣба. Но ты голоднѣе насъ, а потому бери ее и ѣшь! Мы еще сутки можемъ потерпѣть.

— Завтра, бабушка, съ улыбкой добавилъ Иванъ,—у насъ и аппетитъ будетъ лучше, чѣмъ сейчасъ... А то сейчасъ какъ-то не ѣстся... Очень ужъ мы сыты. Со вчерашняго утра ничего не ѣли.

Старушка взяла отъ нихъ хлѣбъ.

— Спасибо вамъ, сказала она,—  
вась не оставитъ за это судьба.

И поднявши палку, она опять сдѣ-  
лала ею свой таинственный жестъ  
и скрылась.

А Иванъ и Марья такъ и оста-  
лись безъ обѣда.

— Ну, какъ тебѣ понравился нашъ  
хлѣбъ? спросилъ Иванъ жену и ве-



Громадная тыква со всего размаха угодила  
ему въ носъ.

село засмѣялся.—Не правда-ли очень  
вкусный... Мягкій, сытный!..

— Да... отвѣтила Марья,—хоро-  
шо-бы теперь чего-нибудь перекусить!

— А знаешь, что? вдругъ обра-  
довался Иванъ.—Кажется, у насъ  
на огородѣ есть еще скверная ре-  
диска! Двѣ или три штучки оста-  
лись... Пойдемъ ихъ съѣдимъ!

— Пойдемъ! обрадовалась и Марья.  
И они вышли въ огородъ.

Крикъ удивленія вырвался у нихъ,  
когда они увидали то, что вдругъ  
выросло у нихъ на грядкахъ. Давно-ли  
этотъ садишко представлялъ собою  
пустыню и сплошной камень и пе-  
сокъ, а теперь, точно, по мановенію  
волшебнаго жезла, на немъ выросли  
вдругъ и капуста, и морковка, и кар-  
тофель... Салатъ и артишокъ чере-  
довались съ дынями и тыквами, земля-  
ника протягивала свои спѣлыя ягоды,  
а яблони и абрикосы просто ломи-  
лись отъ массы плодовъ.

Всплеснувъ въ удивленіи руками и  
не вѣря своимъ глазамъ, мужъ и  
жена смотрѣли другъ на друга и не  
знали, какъ все это объяснить. Какъ  
вдругъ калитка къ нимъ въ садикъ  
отворилась и въ нее вошли, всѣ въ  
синякахъ, избитые и изорванные, Люд-  
мила и Лука. Слезы струились у  
нихъ по щекамъ.

— Знаете... знаете... обратились  
они къ Ивану и Марьѣ,—такой не-  
обыкновенный случай... Всѣ наши  
овощи вдругъ сорвались со своихъ  
мѣстъ и, какъ куры, перелетѣли  
прямо черезъ заборъ!

И, увидѣвъ вдругъ плоды и овощи,  
выросшіе на огородѣ у Ивана, они  
въ удивленіи сдѣлали шагъ назадъ.

— Да они вотъ гдѣ! воскликнула  
Людмила.—Я ихъ узнаю! Это они,  
это тѣ самыя дыни, которыя я са-  
дила своими руками и которыя укрыла  
отъ града и дождя стеклянными кол-  
паками.

— Да, да... отвѣтилъ и Лука.— Вотъ и наша капуста! А знаешь, жена? Теперь я понимаю все! Эта нищая была не кто иная, какъ волшебница. Она хотѣла насъ испытать и вотъ наказала насъ за нашу сытость. А Иванъ и Марья ея вознаграждены! Вотъ они теперь и будутъ владѣть всѣмъ.

— Зачѣмъ владѣть всѣмъ? удивился Иванъ.—Развѣ-же это можно? Надо дѣлиться. Эта вотъ половина вамъ, а эта намъ, эти дыни и салатъ вамъ, а эти намъ. А если этого вамъ мало, то берите себѣ все! Мы можемъ обойтись и безъ ничего.

Но, побѣжденные его добротой, Лука и Людмила поняли, что не хорошо быть жадными и съ тѣхъ поръ уже не отказывали въ просьбѣ никому. А на слѣдующій годъ ихъ огородъ по-прежнему изобиловалъ разными овощами,—значитъ волшебница ихъ простила.

Зато и у Ивана съ тѣхъ поръ на огородѣ творились чудеса: выросли такія тыквы, что двумъ чело-вѣкамъ было не подъ силу ихъ поднять, а морковки выросли не менѣ десяти вершковъ длины.

И зажили Иванъ съ женой счастливо, сытно и богато.

St. Nicolas.



... Не вѣря своимъ глазамъ, мужъ и жена смотрѣли другъ на друга.

## ДВА СОЛОВЬЯ.

Лишь только вечеръ благодатный  
Съ небесъ на землю къ намъ сойдетъ,  
Какъ въ лѣсъ весенній, ароматный,  
Своею пѣснею пріятной  
Насъ соловей къ себѣ зоветъ.

А тамъ, въ селѣ, другой соловко...  
Онъ въ клѣткѣ много лѣтъ живетъ,  
Ему тамъ тѣсно и неловко  
И, сунувъ подъ крыло головку,  
Онъ въ тихой скорби слезы льетъ.

Кузнечикъ.

## ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.

Дулъ вѣтеръ и гудѣлъ въ голыхъ  
вѣтвяхъ деревьевъ. Ставни были за-  
творены снаружи и мы не знали,  
идетъ снѣгъ или нѣтъ. Но, судя по  
тому, какъ буфетный мужикъ Гав-  
рила стучалъ всякій разъ въ сѣняхъ  
ногами, отряхая съ нихъ снѣгъ, мы  
догадывались, что его навалило мно-  
го. Мамы и папы не было дома, они  
еще третьяго дня уѣхали къ тетѣ  
въ Богословское и мы сидѣли дома  
одни съ няней Агафьей Александров-  
ной и слушали ея рассказы. Тогда  
еще не было керосина и лампъ, на  
всю гостиную горѣла одна только  
сальная свѣча, но мы видѣли хоро-  
шо и лучшаго освѣщенія намъ было  
ненужно. У жарко натопленной печ-  
ки грѣлся котъ Матроска, изъ золо-  
тыхъ рамъ на насъ глядѣли портре-  
ты предковъ, и было такъ уютно,  
что мысль о городѣ вовсе не прихо-  
дила намъ на умъ, хотя мы жили  
въ глухой усадьбѣ.

— Няня, ну, расскажи намъ, какъ  
ты видѣла Наполеона! пристали мы  
къ ней, хотя уже не разъ слышали  
отъ нея этотъ рассказъ.—Вѣдь ты  
тогда была въ Москвѣ!

И, отложивъ въ сторону вязанье,  
няня сдвинула на лобъ очки и на-  
чала намъ свой рассказъ:—

— Да нагоревалась я тогда, ми-  
лые мои, многого натерпѣлась, мно-  
го было слезъ пролито. Была я тог-  
да дѣвочкой лѣтъ одиннадцати и  
жила у господъ Хоботовыхъ на Со-  
бачьей площадкѣ. Такъ улица въ  
Москвѣ называется. Кромѣ меня бы-  
ла еще француженка, мадамъ, ко-  
торая ходила за барышней Евгеніей  
Александровной. Мы только что вер-  
нулись съ дачи. Августъ былъ та-  
кой холодный, что не знали, какъ и  
согрѣться. Только что приѣзжаемъ въ  
Москву, а тамъ только и разговоры,  
что французы уже близко и что под-  
ступаютъ уже къ Москвѣ. Вотъ нашъ

баринъ Хоботовъ, Александръ Оедорычъ, и говоритъ намъ съ мадамзелью: — «Оставайтесь вы здѣсь однѣ, а я съ барыней, да съ Женичкой только съѣзжу въ Петербургъ къ бабушкѣ повидаться и тотчасъ же возвращусь». Вотъ уѣхали они, а мы остались вдвоемъ съ мадамзелью, запремся въ цѣломъ домѣ однѣ и сидимъ: боимся даже выглянуть на улицу. Прошла недѣля, другая, а господь все нѣтъ. Только слышимъ вдругъ кто-то стучитъ къ намъ вечеромъ въ дверь.

— «Что вы, глупыя, тутъ сидите взаперти? кричитъ кто-то.—Развѣ вы не знаете, что Наполеонъ съ французами уже подъ самой Москвой и что нашъ губернаторъ Растопчинъ приказалъ поджечь Москву со всѣхъ сторонъ, чтобы она не досталась неприятелю? Бѣгите скорѣе вонъ, спасайтесь!»

Мы какъ услышали это съ мадамзелью, такъ и присѣли отъ страха. Сидимъ и молчимъ, не знаемъ, что дѣлать. А онъ постучалъ, постучалъ, да и ушелъ.

— Погоди, Агаша, говоритъ мнѣ мадамзель, — я на чердакъ сбѣгаю, посмотрю оттуда!

И побѣжала она на чердакъ. А я опустила на колѣни передъ образомъ и стала молиться. Вдругъ, слышу, бѣжитъ моя мадамзель, сломя голову внизъ.

— Иди сюда! кричитъ она мнѣ.— На небѣ сейчасъ былъ огненный мечъ. Это не къ добру!

Я знала, что она была суевѣрна, и потому не хотѣла идти. А по улицамъ, слышу, шумъ, возня, всѣ куда-то бѣгутъ.. Тогда и я тоже поднялась на чердакъ и увидела что-то необыкновенное. Мы долго спорили о томъ, что бы это могло быть, да такъ, не понявши, и вернулись назадъ. Было это въ ночь на 15-е сентября 1812 года и всю эту ночь мы не смыкали глазъ и стучали отъ страха зубами.

На утро нашъ дворникъ пошелъ узнавать и, вернувшись, сказалъ намъ, что то, что мы видѣли, была ракета, которая упала на домъ князя Трубецкого и зажгла его и сосѣдніе дома, и что, стало-быть, городъ ужъ начали поджигать.

— Пойдемте, дѣвушки, обратился онъ къ намъ,—а не то придется пропадать.—Мои господа уѣхали и тоже оставили меня одного. Я сейчасъ уйду пѣшкомъ къ себѣ въ деревню.

Мы не рѣшились бросить хозяйское добро и отказались, а онъ постоялъ немного, и ушелъ. Только отвязалъ цѣпную собаку, чтобы она могла бѣжать, куда хотѣла. Такъ мы и остались однѣ. А народъ все-таки ходилъ по улицамъ и ѣздили извозчики.

Мадмзель и говоритъ:

— Давай уѣдемъ!

— Куда? спрашиваю я.

— Да поѣдемъ за городъ, въ какую-нибудь деревню! А то здѣсь страшно!

Мы заперли домъ, наняли извозчика и поѣхали. Но когда мы ѣхали, то въ Москву уже вступили французы и было ихъ столько, что извозчику нужно было поворачивать назадъ. Повернули мы назадъ, а и тутъ ѣхать некуда: тоже идутъ французы, усталые, запыленные... Выждали мы, когда они прошли, и поѣхали къ себѣ домой. Когда-же приѣзжаемъ,—а у насъ ворота настежь и весь домъ уже занятъ французами.

Испугались мы съ мадмазелью, сѣли опять на извозчика и поѣхали куда глаза глядятъ. У мадмазели были деньги, что господа намъ на харчи оставили, такъ она ими извозчику и платила. А тѣмъ временемъ настала ночь и вдругъ со всѣхъ концовъ Москва запылала. Вѣтеръ дулъ страшный и искры такъ дождемъ и переносило съ дома на домъ. Было свѣтло, какъ днѣмъ. И все время ракеты продолжали поджигать городъ: слышались взрывы, похожіе на ружейные выстрѣлы, а затѣмъ поднимался черный дымъ, который потомъ становился краснымъ, а затѣмъ показывались огненные языки и отъ домовъ оставался только одинъ пепелъ.

Видитъ нашъ извозчикъ, что мы и не думаемъ слѣзать, и говоритъ намъ:

— Ну, барышни, слѣзайте-ка вы съ дрожекъ и идите, куда хотите. Мнѣ и самому спастись надо!

И, вышвырнувъ насъ изъ пролетки, онъ уѣхалъ, а мы остались среди по-

жарища одни. Куда идти? Какъ ни думали, такъ ничего и не рѣшили. Куда ни поглядимъ,—всюду огонь преграждаетъ намъ путь. Помню, что мы были около Большого театра, который пылалъ, какъ свѣча. И когда мы шли потомъ по улицѣ, то вѣтеръ съ такою силою раздувалъ пламя, что оно соединялось съ пламенемъ отъ сосѣднихъ домовъ, такъ что надъ нашими головами былъ огненный шатеръ. Горящія головни падали прямо на насъ, дымъ ѣлъ глаза. Мы пошли опять къ себѣ домой. Но и здѣсь насъ ожидало ужасное зрѣлище: нашъ домъ весь былъ въ огнѣ. Мы испугались и бросились отъ него прочь. Проблуждавъ цѣлую ночь, мы очутились гдѣ-то на окраинѣ и увидели тамъ какой-то уцѣлѣвшій отъ огня домишко.

— Войдемъ въ него, сказала я мадмазели.

Мы вошли въ него, но тамъ не было ни души. Помню, тамъ стоялъ какой-то старый диванъ, мы повалились на него и кое-какъ пролежали на немъ до утра. А съ утра опять начались наши приключенія. Мы блуждали изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, не зная, къ кому обратиться и у кого просить помощи. На улицахъ не было ни души, только проходили иногда толпы французовъ: русскіе уже всѣ разбѣжались, а французамъ не куда было дѣваться,—все сгорѣло. Кое-какъ опять мы добрались до того мѣста, гдѣ стоялъ нашъ домъ. Все кругомъ дымилося и было

заваленоголовешками. Мадмазель разгребла мусоръ, а подъ нимъ вдругъ дыра оказалась. Мы заглянули въ нее, а тамъ кринки съ молокомъ стоятъ. Это нашъ погребъ. Мы влѣзли въ него и стали пить молоко. Тутъ только мы догадались, что не ѣли уже два дня. Напившись молока, мы опять пошли вдоль развалинъ. Только видимъ—столъ стоитъ среди улицы и какая-то ба-  
рыня за нимъ обѣдаетъ.

— Кто вы? — спросила она насъ по-французски, когда мы проходили мимо нея.

— Мы такія-то, отвѣтила ей тоже по-французски мадмазель.

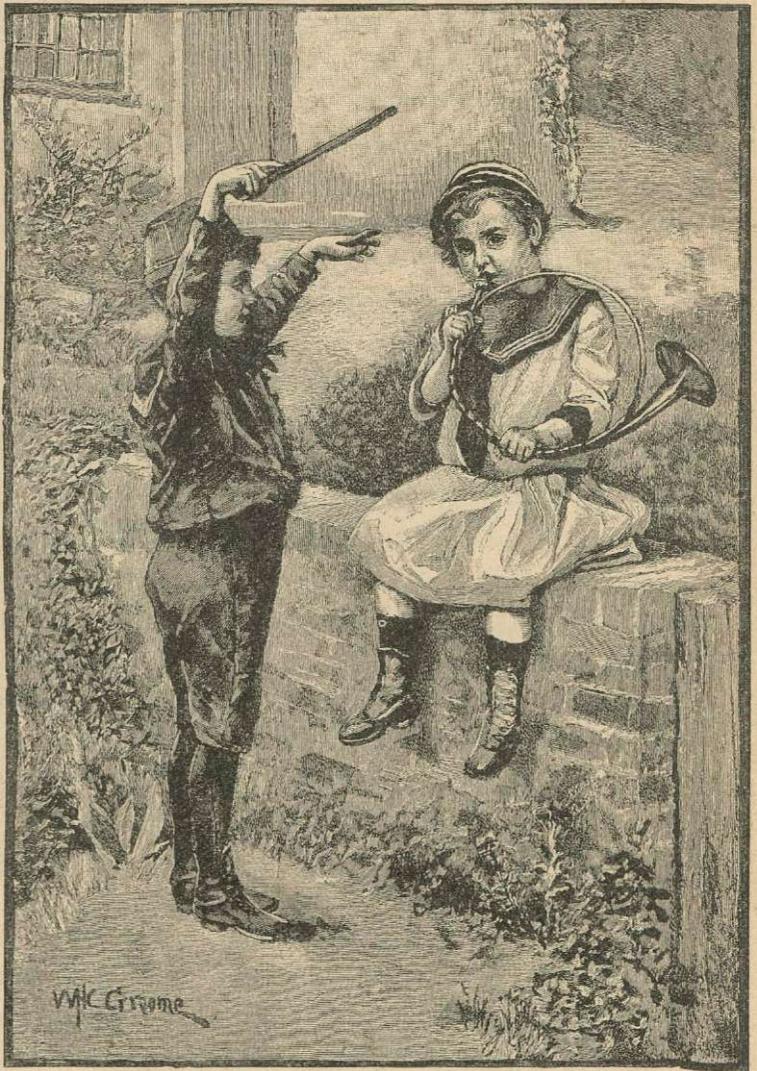
Она обрадовалась, что нашлась ей землячка, и усадила насъ съ собою за столъ. Оказалось, что это французская актриса Луиза Фюзиль. Она пріѣхала въ Москву изъ Петербурга, чтобы пѣть въ Большомъ театрѣ, но нашествіе французовъ и пожаръ застали ее такъ же врасплохъ, какъ и насъ, и она испытывала тѣ же муки, что и мы. Съ этой поры ужъ мы больше не разставались и странствовали вмѣстѣ. Обѣ французенки болтаютъ между собою,

хихикаютъ, а я бѣгаю около нихъ и ничего не понимаю.

Вдругъ на встрѣчу намъ два французскіе офицера.

— Кто вы такія?—спросили они насъ.

Какъ только актриса сказала имъ, кто она такая, такъ они рты отъ удивленія и разинули. Ужъ очень не ожидали встрѣтить ее въ Москвѣ; а



Концертъ.

у нихъ въ Парижѣ она считалась самой знаменитой актрисой.

Стали ее спрашивать, какъ она сюда попала, она рассказала имъ, что пріѣхала изъ Парижа въ Петербургъ пѣть въ театрѣ, а изъ Петербурга была приглашена сюда въ Москву, но здѣсь попала на самую кутерьму и вотъ осталась какъ ракъ на мели. Все это мнѣ перевела потомъ мадам-мазель.

— Хорошо, сказалъ одинъ изъ офицеровъ. Мы доложимъ о васъ Императору. Идите за нами.

Мы пошли за ними и вскорѣ пришли въ Кремль. Здѣсь французскіе солдаты строили изъ обгорѣтыхъ бревенъ какой-то домъ. Оказалось, что это они строили себѣ театръ. Кругомъ пожаръ, дымъ, а они о театрѣ думаютъ.

Оставили насъ офицеры однихъ, а сами подошли къ какому-то ихнему генералу, и стали ему говорить о насъ. Говорятъ, а на насъ пальцами указываютъ.

Генераль подошелъ къ намъ, всѣмъ намъ подаль руку, даже мнѣ, и сказалъ:

— Я—генераль Боссе, начальникъ дворца Императора. Это хорошо, что вы здѣсь. Теперь вы будете у насъ представлять въ театрѣ.

Я думала, что это шутка, но оказалось, что такъ оно и есть. Мы стали играть въ театрѣ до того самаго дня, какъ морозы выгнали насъ изъ Москвы. Луиза Фюзиль пѣла, моя мадам-мазель тоже что-то лепетала

по ихнему, а меня заставляли только плясать русскую.

У насъ не было ни платьевъ, ни башмаковъ, не во что было одѣться. Негдѣ было достать масла для лампъ и гвоздей, чтобы прибить декорацию. Солдаты гдѣ-то воровали ленты и цвѣты и давали ихъ намъ. Только тѣмъ мы и украшали себя.

Какъ-то разъ Луиза Фюзиль пѣла, да такъ хорошо спѣла, что весь театръ сталъ кричать браво и хлопать въ ладоши. Вдругъ шопотъ:— «Императоръ! Императоръ!» и всѣ смолкли, какъ одинъ человѣкъ. Наполеонъ вошелъ въ театръ и направился прямо къ намъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

— Повторите еще разъ, обратился онъ къ Луизѣ Фюзиль,— я плохо слышалъ.

Луиза задрожала, какъ осиновый листъ, а у меня такъ сердце и заходило.

Она повторила.

Онъ улыбнулся, снялъ съ мизинца кольцо и подарилъ ей. А потомъ онъ повернулся ко мнѣ, потрепалъ меня по щекѣ и выдралъ за ухо. Онъ всегда, когда хотѣлъ приласкать, дралъ потихоньку за ухо даже самыхъ важныхъ генераловъ. И какъ только онъ ушелъ, всѣ бросились къ Луизѣ и ко мнѣ. Кланяются, поздравляютъ... Кто пожимаетъ руку, кто суетъ деньги... Золотыхъ я набрала въ тотъ вечеръ полный карманъ.

Такъ шло время, да, шло, а затѣмъ начались наши тяжкія мученья. Еще

въ сентябрѣ начались страшные морозы, а теперь они были такіе, что нельзя было терпѣть. Бѣдные французы замерзали сотнями, падали за-мертво отъ голода и нельзя было достать теплой одежды и хлѣба. Остаться въ Москвѣ было уже нельзя, потому что вся она сгорѣла, и вотъ мои французики потянулись изъ нея назадъ. Возвращались они такими, что жалко было на нихъ смотрѣть: всѣ въ лохмотьяхъ, кто въ дамской ротондѣ, кто въ поповской ризѣ... Идутъ, а сами все твердятъ:— «Хлѣба, хлѣба, хлѣбушка!» И подать-то имъ некому!

Вмѣстѣ съ ними выступила изъ Москвы и Луиза Фюзиль. Мы уже такъ свыклись съ нею, что она взяла съ собою и насъ. Купила она себѣ большую карету, помѣстились мы въ нее всѣ трое и поѣхали. Впереди идутъ французскія войска, а сзади плетемся мы по снѣгу. Кругомъ слышны пушечные и ружейные выстрѣлы—это русскіе преслѣдуютъ французовъ. Одинъ разъ я выскочила изъ кареты и бросилась бѣжать въ ту сторону, гдѣ стрѣляли. Побѣгу, думаю, къ своимъ.

— Куда ты, куда, глупенькая? крикнула мнѣ Луиза. — Вѣдь тебя тамъ сейчасъ-же убьютъ, подумаютъ, что ты француженка! Ужъ поѣдемъ съ нами! Какъ только переѣдемъ границу, такъ я тебя и сдамъ съ рукъ на руки русскому консулу въ Пруссіи,—онъ и доставитъ тебя обратно въ Россію!

Сѣла я опять въ карету и мы поѣхали. Бѣду, а сама все плачу. А морозъ такой, что слезы на рѣсницахъ такъ и замерзаютъ. Доѣхали мы такъ до Смоленска и что мы испытали за дорогу, такъ и сказать невозможно. Подъ Смоленскомъ у насъ украли лошадей, да хорошо еще, что нашъ кучеръ въ свою очередь укралъ ихъ у кого-то и повезъ насъ далѣе, а то такъ-бы мы и замерзли въ лѣсу. Французы замерзали тысячами. А кругомъ все выстрѣлы: бухъ-бухъ! бухъ-бухъ!

Прожили мы въ Смоленскѣ цѣлый день 9-го ноября, отдохнули немного, и отправились затѣмъ далѣе. Здѣсь намъ дали въ кучера какого-то больного солдата, который не могъ больше ходить. Всю дорогу онъ ругался и кончилъ тѣмъ, что стащилъ у насъ нашъ послѣдній хлѣбъ и бросилъ насъ на произволь судьбы. Влѣзла на козлы я и стала я за кучера.

Въ субботу 14-го насъ со всѣхъ сторонъ окружили казаки, такъ что мы не могли свернуть ни вправо, ни влево и медленно подвигались впередъ. Пришлось присоединиться къ вереницамъ отставшихъ, которымъ не было конца. Здѣсь были солдаты всѣхъ націй, покинувшіе свои полки; они еле плелись, потому что уже не могли отъ истощенія держать въ рукахъ ружье, и шли, куда глядѣли глаза.

Я была плохимъ кучеромъ, править лошадьми еще хорошо не умѣла, и потому мы никакъ не могли по-

пасть на накатанную уже дорогу и ѣхали прямокомъ черезъ поля, по глубокому снѣгу. Наши бѣдныя лошади погрузали въ немъ по самое брюхо и выбивались изъ силъ, не ѣвши отъ самаго Смоленска ни одного раза. Мы тоже умирали отъ голода и холода. Была уже полночь, когда мы догнали солдатиковъ, тащившихъ на себѣ пушки. Они убѣгали отъ русскихъ. Луиза высунулась изъ окошка и спросила у офицера, командовавшего ими, далеко-ли еще до того мѣста, гдѣ самъ Наполеонъ съ генералами?

— Охота вамъ спѣшить! отвѣтилъ онъ ей. Если насъ не возьмутъ русскіе въ плѣнъ сегодня ночью, то возьмутъ завтра утромъ! Всѣ тамъ будемъ!

Луиза и мадмуазель стали плакать, а я сижу на козлахъ, да все Богу молюсь:—Господи, дай, чтобы русскіе взяли насъ въ плѣнъ!

Мы остановились. Солдаты такъ продрогли, что хотѣли зажечь костеръ.

— Что вы, что вы! крикнулъ на нихъ офицеръ. Вы хотите, чтобы русскіе догадались, гдѣ мы и захватили насъ?

Такъ мы и просидѣли всю ночь въ холодѣ безъ огня. Я была въ однихъ только лохмотьяхъ, вся обносила, и думала, что умру въ эту ночь отъ холода. Ужасно хотѣлось ѣсть и болѣло подъ ложечкой. Я выпила воды, но отъ этого стала зябнуть еще больше и боль подъ ло-

жечкой стала сильнѣе. Все-таки къ утру я заснула.

Было еще темно, когда вдругъ раздались крики: Русскіе! Русскіе!

Мы вскочили и бросились бѣжать. Слышны были выстрѣлы и пули стали осыпаться на насъ со всѣхъ сторонъ. Я видѣла, какъ онѣ прыгали по снѣгу. Одна пуля прожужжала надъ самой моей головой и я закрылась отъ нея платкомъ, точно это могло-бы мнѣ помочь.

17-го ноября добрали мы до города Краснаго. Здѣсь засѣлъ французскій генераль Даву, его со всѣхъ сторонъ окружили русскіе и, чтобы его выручить, Наполеонъ самъ вступилъ съ русскими въ бой. Сражались и справа и слѣва, и спереди и сзади, а мы тащились въ самой серединѣ. Всю ночь мы двигались ужасно медленно при свѣтѣ горѣвшихъ деревень и подъ грохотъ пушекъ. Раненые просили у насъ ѣсть, а другіе, умирая, умоляли насъ ускорить ихъ смерть,—но что мы могли сдѣлать? Приходилось страдать и за себя и за другихъ. Только утромъ вошли мы въ Красный. Едва мы въ него вступили, какъ весь онъ сразу вспыхнулъ. Я бросилась впередъ и побѣжала. Цѣлая головни падали мнѣ прямо на голову. На улицахъ была страшная толкотня. Всѣ спѣшили, суетились и видно было, что боялись, что вотъ-вотъ русскіе захватятъ ихъ прямо въ Красномъ. Луиза Фюзиль и мадмуазель догнали меня и мы сѣли всѣ трое у дороги и не знали, на что рѣшиться.

Вдругъ раздались крики:

— Императоръ! Императоръ!

Мы вскочили и бросились къ его каретѣ.

Но это былъ не Наполеонъ, а его генераль графъ Нарбонскій. Онъ высунулся изъ кареты и узналъ насъ.

— Ахъ, это вы? удивился онъ.—И вы здѣсь?

Луиза вскочила къ нему въ карету, а мы съ француженкой остались однѣ.

— Прощайте! Прощайте! закричала она намъ и замахала намъ платкомъ.

Ихній кучеръ стегнулъ по лошадамъ и карета скрылась изъ-виду. Поворачивая за уголъ, графъ что-то кинулъ намъ изъ окна. Мы подбѣжали, нагнулись и подняли съ земли кусокъ чернаго хлѣба! Съ какимъ аппетитомъ мы его поѣли!

Вмѣстѣ съ французами бѣжали изъ Краснаго и мы. А тѣмъ временемъ наступила ночь. Проходя черезъ какую-то брошенную деревню, мы забрались въ какой-то сарайчикъ и увидѣвъ въ немъ солому, легли на нее и, дрожа отъ холода, стали засыпать. Вдругъ слышимъ—тревога. Спасайся, кто можетъ! Въ страхѣ мы вскочили, бросились бѣжать, сами не зная, куда. Долго мы блуждали въ темнотѣ, пока наконецъ не натолкнулись на чью-то карету. Мы уцѣпились за нее и стали просить, чтобы насъ туда посадили. Глядь, а тамъ сидитъ наша Луиза Фюзиль! Только карета ужъ не та, а какого-то другого генерала. Луиза обрадовалась

намъ и француженку посадила къ себѣ, а мнѣ приказала сѣсть съ кучеромъ на козлы. Такъ мы и поѣхали опять всѣ вмѣстѣ.

На утро мы подѣхали къ рѣкѣ. Это была Березина. По ней ползло сало и нельзя было черезъ нее ни переплыть, ни перейти. А тамъ, гдѣ былъ ледъ, онъ былъ такъ тонокъ, что нельзя было на него ступить. Черезъ рѣку былъ наведенъ мостъ и у самага моста стоялъ самъ Императоръ Наполеонъ. Каждому хотѣлось поскорѣе перебраться на ту сторону, потому что сзади напирали русскіе, которые уже догнали французовъ, и Наполеонъ сдерживалъ натискъ, чтобы отъ множества народа не подломился мостъ. Въ это время мы вѣзжались на мостъ. Я очень хорошо разглядѣла Наполеона. Онъ все такой-же былъ маленькій и такой-же бритый, и такъ-же, какъ и въ Москвѣ, держалъ руку за жилеткой на груди. Мы двигались очень медленно и мостъ былъ такой узкій, что наша карета занимала его чуть не весь въ ширину.

— Не бойтесь, не бойтесь!—сказалъ онъ намъ. Идите смѣло!

Сзади насъ шли генералы и вели лошадей за уздечки, потому что мостъ былъ такой слабый, что изгибался подъ нашей каретой.

Переѣхавъ черезъ Березину, мы добрались до деревни и остановились въ ней. Какъ вдругъ пришелъ отъ Наполеона приказъ, чтобы всѣ генералы возвратились обратно къ Березинѣ,

потому что случилось какое-то несчастіе.

Мы бросились къ рѣкѣ и увидали то, чего не дай Богъ видѣть злому татарину. Провалился мостъ и кругомъ стоялъ такой крикъ, что я его еще и теперь слышу. Кто оставался еще по ту сторону рѣки, тѣ попали подъ выстрѣлы русскихъ. Стали кричать «Спасайся, кто можетъ!» Начали бросаться прямо на ледъ, но онъ ломался и всадники, солдаты, фуры—все это прямо тонуло въ водѣ. Берега были сплошь покрыты трупами и, чтобы достигнуть до рѣки, солдаты прокладывали себѣ путь впередъ шашками. И сколько тутъ погибло народу,—нельзя сосчитать. Мы видѣли, какъ какая-то женщина, должно быть чья-нибудь жена, затертая во льду, поднимала кверху своего ребенка, но не могла выбраться и утонула. А народъ все напиралъ сзади и напиралъ, и тѣ, которые были впереди, такъ тысячами и тонули въ рѣкѣ.

Мы стояли всѣ трое на этомъ берегу и плакали. А бывший съ нами какой-то раненый генералъ, блѣдный какъ полотно, все повторялъ:

— Кель малёръ! Ахъ, кель малёръ!

Прямо отъ рѣки мы вернулись опять въ деревню, сѣли въ карету и поѣхали далѣе.

Не помню я, что было потомъ. Помню только, что 9-го декабря мы приѣхали въ Вильну. вмѣстѣ съ нами пришли въ Вильну только жалкіе остатки французской арміи, а самъ

императоръ Наполеонъ бѣжалъ въ каретѣ далѣе, такъ и побросавъ своихъ по пути. И всѣ они—кто поумиралъ въ дорогѣ, а кого русскіе взяли въ плѣнъ. Луиза Фюзиль пристроилась у кого-то на квартирѣ, а мы опять остались однѣ.

Ходимъ мы съ мадмуазелью по Вильнѣ, не знаемъ, куда приткнуться. Пожалѣла насъ одна еврейка и взяла насъ къ себѣ. Мы дали ей денегъ и она накормила насъ горохомъ и гречневой кашей и уложила насъ спать. Ужъ я и не помню, когда я такъ крѣпко спала и такъ вкусно ѣла.

На слѣдующій день, часовъ въ 11 утра, русскіе вошли въ городъ и тутъ вышелъ приказъ, что всѣ, кто находится въ Вильнѣ, остаются подъ русской властью. Обрадовались мы съ француженкой, какъ свѣтлому празднику. Я гляжу въ окошко, а мимо все проходятъ русскія войска, и конныя и пѣшія,—и глазамъ своимъ не вѣрю. Звонятъ въ колокола и такъ радостно на сердцѣ!

Вышли мы на улицу—кругомъ все русскіе, слышенъ русскій языкъ, шутки, смѣхи. Закричали «ура» и тутъ мы увидали нашего главнокомандующаго Кутузова. Онъ ѣхалъ на бѣлой лошади, а за нимъ гурьбой неслись все русскіе генералы.

Но какъ теперь быть? Куда дѣваться? Вернулись мы назадъ къ еврейкѣ и стали горько плакать. Она намъ дала поѣсть, а потомъ сказала:

— Вотъ погодите чуточку, тутъ у сосѣдки стоитъ на квартирѣ одинъ

полковникъ, такъ онъ вамъ скажетъ, какъ поступить!..

Она сбѣгала къ сосѣдкѣ и скоро насъ привели къ полковнику. Онъ разспросилъ насъ обо всемъ, велѣлъ побожиться, что мы не времъ, и долго удивлялся потомъ, что мы выдержали такой большой походъ. А затѣмъ онъ привелъ насъ куда-то, въ какую-то канцелярію, гдѣ все сидѣли писаря и писали.

— Отправить вотъ этихъ дѣвушекъ вмѣстѣ съ ранеными въ Петербургъ! приказалъ онъ и оставилъ насъ въ канцелярію однихъ.

Къ намъ подошелъ какой-то военный и отвелъ насъ въ госпиталь, гдѣ лежали раненые. И стали мы ухаживать за ранеными! Вмѣстѣ съ ними мы переѣхали потомъ въ Рѣжицу, а изъ Рѣжицы во Псковъ. Во Псковѣ мы прожили полгода и все не знали, гдѣ наши господа. Одна добрая барыня, дай Богъ ей здоровья, — подполковница, вызвалась написать въ Москву къ какому-то знакомому генералу, не знаетъ-ли онъ что-нибудь о нашихъ господахъ? Черезъ мѣсяцъ пришелъ отвѣтъ, что они уже въ Москвѣ и соскучились по насъ, ждуть насъ какъ можно скорѣе домой. Прислали намъ сто рублей на дорогу. Обрадовались мы несказанно.

Мы простились со всѣми, помолились Богу, наняли лошадей и поѣха-

ли въ Москву. И такъ вдвоемъ, двѣ дѣвушки, молоденькія и неопытныя, мы цѣлыя три недѣли ѣхали до Москвы. Кругомъ ходили разные люди, которые грабили по дорогамъ прохожихъ, но мы не боялись ихъ и все надѣялись на Бога. А когда мы увидѣли вдалекѣ Москву, то стали обѣрывать, какъ малыя дѣти. Глядя на насъ, сталъ плакать и нашъ ямщикъ.

А ужъ какая встрѣча готовилась намъ, когда мы приѣхали домой!

Старушка смолкла и, полная воспоминаній, безмолвно, стала глядѣть въ пространство. На дворѣ по-прежнему гудѣлъ въ деревьяхъ вѣтеръ и по-прежнему котъ Матроска грѣлся у печки. Мы глядѣли на ея старческіе глаза и намъ казалось, что мы видѣли въ нихъ все то, что видѣли и они, и чувство глубокаго благоговѣнія передъ старушкой наполнило наши души.

— Няня, милая, дорогая!.. воскликнула вдругъ сестра Лиза и бросилась ей на шею.—Милая няня!

Старушка ласково погладила ее по головѣ, свернула свое вязанье и тяжело поднялась со стула.

— Ну, дѣтки, сказала она,—пора уже и спать! Помолитесь Боженькѣ, да и ложитесь въ постельки! Утро вечера мудренѣе!

И мы послушно, гурьбою, отправились спать.

Ч.



## ШАРАДА № 7.

Изъ трехъ слоговъ моихъ два пер-  
вые исходятъ.

Все цѣлое въ Крыму растетъ,  
Его и на Дону разводять,  
И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнышко  
печетъ.

Но если за грѣхи попуститъ Богъ  
И на все цѣлое пошлетъ послѣд-  
нй слогъ,

То онъ на цѣломъ всѣ плоды сби-  
ваетъ

И первыхъ двухъ слоговъ тогда ужъ  
не бываетъ.

Для цѣлаго нужны весна и лѣто,  
А первымъ двумъ—хоть двѣсти лѣтъ.  
Ну, разгадайте-же, что это,  
И присылайте намъ отвѣтъ.

## РѢШЕНИЕ АРИОМОГРАФА № 2:

Апельсинъ (лиса, Ниль, пила, са-  
ни, лапа, панель, линъ, планъ, спина,  
ель).

## РѢШЕНИЕ ЗАГАДКИ № 3:

Ниль — иль.

## РѢШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 3:

Что вамъ нравится.

## РѢШЕНИЕ ШАРАДЫ № 4:

До + лото = долото.

## РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 3:

На + с + ту + пила + зи + мушка + съ +  
+ мо + роза + ми + и + по + шелкъ + до +  
рога + мъ + въ + о + лкъ. = Наступила  
зимушка съ морозами и пошелъ къ до-  
рогамъ волкъ.

*Вѣрное рѣшеніе ариомографа, загадки, шарады и ребуса прислали:* Нина Якимова, Катя Вильчковская—Спб., Катя Сербова—Кронштадтъ, Володя Зайцевъ—Спб., Омаида Прилежаева—Валдай, Боря Гельцеръ—Кіевъ, Валя, Аркаша, Шура и Витя—Спб., Миша Ефремовъ—Сумы, Коля Даниловъ—Саратовъ, Петя Моисенко—Харьковъ, М. Краснюкъ—Смѣла, Ната Живковичъ—Спб., Юра и Витя Куйбергъ—Оренбургъ, К. Ротманъ—въ Армавирѣ, Шета Мякишева—въ Севастополѣ, Шура Браиловскій—Гулькевичи.

*Ариомографъ, загадку и шараду рѣшилъ:* Жоржикъ Новицкій—Севастополь.

*Ребусъ, шараду и загадку рѣшилъ:* Толя Шмидтъ—Ямбургъ.

*Ребусъ, шараду и ариомографъ рѣшили:* Котикъ Бедринъ—Рудня, Андриша Федоровъ—лонской казачекъ.

*Шараду и ариомографъ рѣшилъ:* Миша Касаткинъ.

*Ребусъ, ариом. и загадку рѣшили:* Надя Золотарева въ Острѣ, Анна Хвостова въ Вологдѣ.

*Ариом. и загадку рѣшилъ:* Гриша Годикъ—Фастовъ.

*Ариомографъ рѣшили:* Дина Окунъ—Hamburg, Вова Любарскій—Прушковъ.

*Ребусъ рѣшили:* Шура Пронина, Маруся и Тася Блиновы—Вильно, Маруся Бальцеръ, Тая и Оля Беръ—Владимиръ, Сергѣй и Николай Копытко—Екатеринославъ, Сережа Пуриковъ—Орелъ, Юра Свиридовъ—Дубовка, Муся Шишко—Майкопъ.

*Задачу рѣшили:* Анна Хвостова—Вологда и Миша Ефремовъ—Сумы.

## РЕБУСЪ № 4.



(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).







